

Выезд и бой Сокольника с Ильей Муромцем

А как от моря-де, моря, да моря синего,
Как от синего моря да от Студеного,
От того же от камешка от Латыря,
Да от той же бабы да от Златыгорки
Поежджаёт молоденькой Сокольничок,
А молоденькой Сокольничок-наезницёк.
Говорит ёму матушка родимая,
Как цёсна вдова Омельфа да Тимофеёвна:
Говорила она да чаду милому:
«Уж ты милоё чадо моё любимое!
Ты поедёшь гулять да во чисто полё,
Ты наедёшь-де на поли стара казака —
Как стары казаку да низко кланейсе:
От меня же, о[т] бабы, ему — низкой поклон,
Как низкой-от поклон — да с онижэньицём!»
А не послушал Сокольник да рецей матёрыных;
Он поехал гулять да во чисто полё.
Он и едёт по чисту полю — потешаицьсе,
Он и всякими речами да похваляицьсе,
Высоко-де мечот копьё под облако:
Единой ли рукой копьё подхватыват —
Он до полу копейця да не ураниват.
Он сам из рецей да выговариват:
«Уж я Киёв-от град да я в полон возьму,
Уж я церкви-ти Божьи да я во дым спущу,
У Владимира-князя да голову сказню,
Я у старого казака голову срублю!»
А как от славного города от Киева
Как стояло на заставы три богатыря:
Как во-первых, стары казак Илья Муромэц,
Как во-вторых, Добрынюшка Микитиц млад.
Как во-третьих, Олёшенька Поповиц млад.
Выходил ле Олёша да из бела шатра,
А как завидел Олёша поленичу преудалую —
Она едёт нонь по полю — потешаицьсе,

Она всякими речами да выхваляицьсе,
И говорит ле она да таково слово:
«Уж я Киёв-от град да я в полон возьму,
Уж я церкви-ти Божьи да я во дым спущу,
У Владимира-князя да голову сказню,
Я у старого казака голову срублю!»
Заходил ли Олёша да во свой бел шатёр,
Говорил ли Олёша да таково слово:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец,
Илья Муромец, стары казак, сын Ивановиць!
Как не тученька ведь, право, затучилась,
Да не оболочко да накаталосе —
Как от морюшка-моря, да моря синего,
Да от синего моря от Холодного,
От того же от камешка от Латыря,
Да от той же от бабы да от Златыгорки
Уж едёт поленича да хоробрá добрэ.
Она всякими утехами потешаицьсе,
Как дворянским утехами молодецким,
Молодецким утехами богатырским:
Высоко-де мецёт копьё под облако,
Единой ли рукой копьё подхватыват —
Кабы до полу копейця да не ураниват.
Как сама из речей да выговарыват:
„Уж я Киёв-от град да я в полон возьму,
Уж я черкви-ти Божьи да я во дым спущу,
У Владимира-князя да голову сказню,
Я у старого казака голову срублю!”»
Уж тут же старой да осержаицьсе,
И говорит ли старой да таково слово:
«Кабы ехать Олешеньки Поповицю;
А Олёша-та Поповиц — не силой он силён, да он напуском смел:
Он напустит во свою ровню великую —
Утерят-загневит да буйну голову!
Кабы ехать Добрынюшки Микитичу:
Как умет ле Добрынюшка-та съехацьсе,
Как умет ле Добрыня прирозъехацьсе,
Как умет ле Добрынюшка-та цесть воздать!»
Уж стал ле Добрыня снарежатисе,

Поскоре того Добрыня сподоблятисе:
Как седлал ле, уздал да коня доброго,
А двенаццэть подпружинок подстегивал
А тринаццатую через хребётну степь,
А не ради басы — ино ради крепости,
Кабы для-ради укрепы да богатырьскойей:
«Не оставил бы конь меня во чистом поли!»
Только видели молоцца: в стремяно ступил,
А не видели поезки да богатырьскойей;
Только видят: в поли да курева стоит,
Курева-де стоит — да дым столбом валит.
Уж тут же Добрыня да приужакнулса;
Он не смел ле, Добрыня, да приокликати,
Он не смел ле, Добрыня, да поздоровацьсе,
Он не смел ле, Добрынюшка-та, цэсть воздать.
Отворацивал своёго да коня доброго
Ко своёму же он да ко белу шатру.
Заходил ли Добрыня да во свой бел шатёр,
Говорил ли Добрыня да таково слово:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромець!
А кабы едёт полениця да хоробра добрэ.
Она едёт, полениця, да выхваляицьсе:
„Кабы Киёв-от град да я в полон возьму,
Уж черкви-ти Божьи да я во дым спущу,
У Владимира-князя да голову сказню,
Я у старого казака голову срублю!”»
Уж тут ле старой да осержаицьсе:
Оци ясны у старого сомутилисе,
Могуци где ведь плеча да расходилисе.
Ишше стал ле старой да снарежатисе,
Поскоре того старой да сподоблятисе:
Как седлал ле, уздал да коня доброго,
А двенаццэть подпружинок подстегивал
Кабы не ради басы — да ради крепости,
Кабы для-ради укрепы да богатырьскойей:
Не оставил бы конь во чистом поли.
Только видели старого — в стремяно ступил,
А не видели поезки да богатырьскойей;
Только видят ле: в поле да курева стоит,

Курева где стоит — да дым столбом валит.
Наеждал поленицю да приудалую,
Он крычал ле, зычал да громким голосом:
«Уж ты ой есь, полениця да приудалая!
И нам с тобой на поле ноньче съехаться,
Кабы съехацьсе на поле, поздоровацьсе,
Как друг ле ведь другу да ноньце цесть воздать!»
Как билесе-боролись да трои сутоки
Они палками бились, да друг друга не ранили —
В руковяточках палки да распоялисе.
Они сабельками секлись да трои сутоки —
У их остры-ти сабли да прищорбалисе.
Они копьеми кололись да трои сутоки —
По насадоцькам копейця свернулисе.
Как скочили боґатыри со добрых коней,
Суховым боём да рукопашноём —
Они тем же боём друг друга не ранили.
По тому по злоцесью да по великому
У того же у старого у казака
Кабы права нога да окатиласе,
Кабы лева нога да подломиласе —
Кабы падал старой да на сыру землю.
А наскакивал молоденькой Сокольничок,
А молоденькой Сокольницёк-наезницёк
Как тому же ведь старому на белы груди,
И вынимает з-за налучья цинжалой нож,
И хочот смотреть да ретиво серьцё,
И хочот пороть да он белы груди.
Как и тут же старой да возлаголуёт:
«Я стоял ле за веру да за крещоную,
За крещоную веру да православную;
Я молилсэ ведь Спасу да все Пречистому,
Кабы Матери Божьей да Богородици.
Не отдай меня ведь, Господи, тотарину на поруганьё!»
А как по то же по старого по учести,
По Божеской било да всё по милости —
Прыбывало у старого силы вдвоём-втроём,
Как вдвоём-вт[р]оём да силы впетером.
Как сшибал Сокольника со белых грудей,

Как вымётывал-де выше дерева стоячево,
Ишше ниже-то он да облака ходячего:
Как падал Сокольник да на сыру землю.
Как скакал ле старой да на резвы ноги,
Как со резвых же ног да на белы груди.
Говорил ле старой да таково слово:
«Уж ты ой есь, полениця да приудалая!
Уж ты коёго города, коей земли,
Уж ты какой дальней украины?
Уж как тебя, молоцьця, именём зовут?»
Да ответ дёржит полениця да преудалая:
«А был у старого на белых грудях —
Не спросил бы не имени, не вотчины,
Не отецесва твоёго, не молодецесва:
Я порол бы у старого белы груди,
А смотре[л] у ево да ретиво серьцё!»
И нанёс ли стары казак Илья Муромець,
Илья Муромець, стары казак, сын Ивановиць
Как свой же ведь он да как киньжалою нож.
И хватил же Сокольник да рукой правою,
А хватил же ведь он да за цинжалой нож.
А увидал ле Илья да ведь как Муромець,
А увидал же он да как злачан перстень.
Он скакал ле с ево да со белых грудей;
Он и брал же Сокольника за белы груди,
Выздымал ле Сокольника на резвы ноги,
Чёловал-миловал в уста в сахарныя:
«Уж ты чадо, ты чадо да моё милоё,
Уж ты милоё чадушко любимое!
Ты не ладно ведь едёшь да по чисту полю,
Не во свою ты ведь ровнюшу великую:
Утеряшь-загневишь да буйну голову.
Ты пожалуй ко[а]к ко мне да во свой бел шатёр,
Во свой бел шатёр на угошшеньицо!»
Кабы сели они на добрых коней,
Как поехали ко старому ко белу шатру,
Заходили ведь ко старому во свой бел шатёр.
И садил ле ведь старой Сокольника да за дубовой стол;
И стали они тут пить-жить да веселитесе.

Угостил ле старой да тут Сокольника,
Уж стал ле его да спровожа́теньки —
Они тут же они да распростилисе...
А как со той же со устали великой
Повалилсэ как старой да отдыха́теньки.
Как тут же молоденькой Сокольницёк
Он понёс на старого злобушку великую.
И розоспалсэ старой да Илья Муромець —
Он соска[ки]вал с своёго да коня доброго
И забегал ле Сокольник к старому в бел шатёр,
Он ткнул ле копьём да старому во белы груди.
А потом же старой да Илья Муромець —
(На грудях ведь был у его чуден крес!)
Он и ткнул ле старому во белы груди.
Со того же чудна креста копьё окользилосе
Да ушло ведь в середу кирпичьную —
Он бежал ле, Сокольник, из бела шатра.
И тут же старой да пробужаицьсе.
Как увидял удачу да принималую,
И скакал ле старой да Илья Муромеч,
Одевалсэ он да поскорэшенько,
Как заскакивал своёго да коня доброго —
Как поехал старой да во чисто полё
И нагонил ле Сокольника на чистом поли:
Не спросил он не имени, не вотчины,
Не отецесва ведь, не молодецесва —
Срубил у Сокольника буйну голову.
Уж тут же Сокольника славы поют,
Как славы-де поют да в старинах скажут.

*(Зап. А. Д. Григорьевым 2 августа 1901 г.: д. Юрома Юромской вол. — от
Бёшенкина Ефима Васильевича, 89 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.